

БАТРАЧКА

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА

И. Бѣльскаго

1871

БАТРАЧКА

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА

И. Бѣльскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія. Н. Нехлюдова. (Офицерская, № 7—14).

1871.

Недалеко отъ города, въ деревнѣхъ Ванищахъ, жила крестьянская семья. Она состояла изъ молодаго хозяина Петра, жены его Марины, двухъ небольшихъ дѣтей и батрачки Ольги. Но прежде чѣмъ говорить объ этой семьѣ, мы познакомимся съ Ольгой.

Въ ранней молодости она потеряла родителей и уже давно жила работницею по разнымъ мѣстамъ. Весной наймется къ кому нибудь гряды полоть, лѣто на жнитво, а зиму живетъ судомойкой у купцовъ, или въ своей деревнѣ у зажиточныхъ крестьянъ нянчить дѣтей. Ольга была трудолюбивая, услужливая дѣвушка, не гнушалась ни какой работой и никогда не откладывала ее до другаго дня. Несмотря на это, рѣдкій хозяинъ не считалъ себя ея благодетелемъ и при всякой семейной неудачѣ, на Ольгу сыпались упреки за хлѣбъ, за соль, какъ будто она даромъ ѣла. Каждый зналъ, что некому вступиться за Ольгу, что, не смотря на всѣ обиды, она всетаки останется доживать срокъ, чтобы получить свой небольшой расчетъ, — вѣдь иначе ей не на что будетъ одѣться: вотъ и при-тѣсняли всячески бѣдную сироту. Прежде чѣмъ поступить въ семейство Петра, пять лѣтъ тому назадъ, хозяйка, у которой она жила въ то время, послала ее въ другую деревню за какою-то надобностью къ своей кумѣ. А тутъ бѣда подоспѣла: коршунъ унесъ изъ стада пару ягнятъ и нѣсколько цыплятъ. Когда дѣвушка воротилась домой, хозяинъ набросился на нее съ кулаками и грозилъ прогнать, ни чего не заплативъ за прожитое время. Напрасно оправдывалась она тѣмъ, что отлучалась по хозяйскому же дѣлу; тотъ ничего не хотѣлъ слушать и страшно оттакалъ ее за косу. Къ тому, какъ на грѣхъ, собралась толпа народу. — «Ну кто тебя замужъ возьметъ послѣ такого-то сраму», кричали бабы. — «Н-да» повторяли парни, «коли въ 16 лѣтъ одного дѣла не умѣла справить, что будетъ, коли все хозяйство на руки приметъ.» Ольгѣ, наконецъ, удалось вырваться изъ рукъ хозяина, она пустилась въ поле, бросилась на траву и стала горько рыдать. Теперь ей разомъ все пришло въ голову: всѣ перенесенныя оскорбленія, ея одиночество... Но никогда ей не было такъ горько, какъ теперь: «Оттакалъ за косу, думала она, при всей деревнѣ, всѣ знаютъ, что я тутъ невинна, и никто за меня не вступился. Господи, возьми ты меня къ себѣ! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не хочу умирать.... защитника, можетъ, еще найду себѣ... съ лихвой за все имъ заплачу.» Она бросилась на колѣни и стала громко молиться: «пошли ты имъ всякую напасть, я имъ все дѣлала по закону, да по совѣсти, а они меня..... накажи ихъ...убей ихъ..

— «Ага колдунья», закричала старуха изъ ихъ дома. Она вышла изъ за куста и схватила дѣвушку за руку. «Пойдемъ, матушка, мы уже всѣ эти дѣла разберемъ.» Въ первую минуту Ольга пустилась было бѣжать, потомъ вдругъ выпрямилась во весь станъ, совершенно равнодушно подошла къ старухѣ и поплелась слѣдомъ за ней домой, ничего не отвѣчая на ея воркотню. Не такой возвратилась Ольга въ домъ, изъ котораго ушла нѣсколько часовъ тому назадъ. Это была живая, но въ тоже время робкая, пугливая дѣвочка, которая, по первому желанію хозяевъ бросалась во всѣ углы, чтобы скорѣе услужить имъ, исполнить тотъ часъ ихъ приказаніе: во всѣхъ искала себѣ привязанности, любви. Теперь она стала ненавидѣть людей, которымъ дѣлала все, что могла и отъ которыхъ встрѣчала только насмѣшки брань и побои. Она поняла, что ей неоткуда ждать защиты, и что она можетъ полагаться только на самое себя. "Вотъ вамъ ваша и тихоня», шипѣла старуха, рассказывая домашнимъ, «за твои-то милости, за то, что уголъ даль, поилъ, кормилъ..., со всѣмъ твоимъ родомъ извести хотѣла, нечистаго призывала, съ русалками перекликалась, траву привораживала..... ты потворствуй ей, батюшка, потворствуй... отогрѣвай змѣю, она тебя зельемъ попотчуетъ,» подстрекала она сына. Тотъ вышелъ изъ избы, сталъ обламывать сучья и обрывать листья. «Про тебя свѣжія розги изготавляю, сказалъ онъ Ольгѣ, которая совершенно спокойно сидѣла на завалинкѣ и, казалось, не слыхала его словъ. Но когда онъ подошелъ къ ней, она встала, не торопясь,

И. Бѣльскій

взяла камень и подняла его вверхъ. «Голову прошибу, только подойди»!.. «Да ты откуда?» закричалъ хозяинъ съ удивленіемъ. Откуда эта прыть? А? русалки научили.... я ихъ изъ тебя повыгоню...

Хозяинъ ушелъ въ избу, а Ольга опять сѣла на завалинку и задумалась. Ей было о чемъ подумать. Осень была на дворѣ, а тамъ настанетъ зима, то время, когда всякая работа мало цѣнится, а женская и подавно. Если даже и найдется мѣсто изъ за куска, вѣдь нужно себя одѣть, обуть, а тамъ глядишь, морозы настанутъ, надо припасать теплую одежду, а на что ее справишь; хозяева въ сердцахъ безъ расчета прогонютъ. Она слышала, какъ въ избѣ застучали ложками, какъ сѣли обѣдать, какъ опять принялись ее бранить и рассказывать про нея всякою небылицу, а она все сидѣла и думала крѣпкую думу. Наконецъ все затихло, всѣ улеглись отдыхать. Только кучка ребятъ, съ веселыми криками, высыпала на улицу играть. Нѣкоторые изъ нихъ подошли къ дѣвушкѣ. — «Ольга расскажи сказъ, какой ни на есть,» просили ее мальчики, — разчеши меня въ двѣ косы, какъ у тебя,» приставали дѣвочки.

— «Подите вы прочь отъ меня, небось, вырастете, также будете на бѣднаго, безпріютнаго человѣка клеветать и всякую напраслину выдумывать...»

— «Матка сказала, что ты должна служить намъ, потому ты голь, а мы тебя кормимъ.» Ольга толкнула дѣвочку и встала со своего мѣста. — "И вправду тетка сказывала, ты съ лѣшими водишься,» злобно кричалъ ей одинъ мальчикъ. — «Матка, надясь, сказывала, какъ ты помрешь, непременно твою могилу надоть осиновымъ коломъ проткнуть. Будетъ тебѣ тогда больно, али нѣтъ?» простодушно спрашивала та же дѣвочка. Ольга уже повернулась, чтобы идти, но откуда-то прибѣжалъ, весь запыхавшись, 10-ти лѣтній мальчикъ и изо всей силы схватилъ ее за юбку. — «Слухай, голубка!» закричалъ онъ рѣшительно, «правда, али нѣтъ, люди бають, что у тебя есть коверъ самолетъ, и ты, какъ захочешь, можешь улетѣть далеко отсюда, въ другія страны? Возьми, Олинъка, меня съ собою, всякую службу сослужу; нѣтъ моей силушки больше оставаться здѣсь: хозяева такъ дерутся, такъ надо мною потѣшаются всѣ, отъ мала до велика, всячески помыкають; что ни сдѣлаю все не понутру.» И мальчикъ быстро развязалъ анучи и показалъ ноги въ красныхъ пятнахъ и въ синякахъ. "Это намеренно дѣдъ полѣномъ шнырнулъ, а тутъ гляди, сколько волосъ вырвано,» указывалъ онъ на голову. Ребенокъ былъ сиротою и воспитывался на деньги общества у одного крестьянина, а тотъ хотѣлъ извлечь выгоду и изъ тѣхъ денегъ, которыя онъ получалъ на его прокормленіе и изъ него самого. — «Худо, Ваня, жить сиротамъ на бѣломъ свѣтѣ,» сказала дѣвушка, усѣвшись съ нимъ на лужку, «а будь у меня такой самолетъ, улетѣла бы я съ тобою за тридевятое царство, чтобы и духу ихняго намъ не слышать, Да въ томъ-то и бѣда, нѣтъ его у меня и быть намъ битымъ съ тобой во вѣкъ жизни. Ты-то меньше еще колотушекъ натерпишься, потому мужчинское твое дѣло, въ обиду не дашься, да и сами не посмѣють на возрастъ обижать. А мое-то самое горе-горькое. Жаль, что ты прежде ко мнѣ не приходилъ, хоть бы съ тобою погоревала, похолила бы когда тебя. Вонъ, гляди какой ты грязный, растрепанный... Да теперь ужъ поздно... такъ мнѣ все постыло.» Мальчикъ прислонился къ ней головой и заплакалъ. — «Въ бѣги убѣжимъ», проговорилъ онъ, всхлипывая, ей на ухо. — «Не къ нашей рожѣ это, Ванюшка. Мы съ тобою уйдемъ, а насъ и искать не стануть. Глупенькій ты, чай и въ бѣгахъ пить, ѣсть захочешь. Батюшки! ноги-то у тебя совсѣмъ заскорузли».... и дѣвушка забыла о томъ, что за минуту она обѣщала никого не жалѣть, побѣжала въ избу, зачерпнула ковшъ воды, вымыла и вытерла мальчику ноги, и нарвала подорожнику, приложила къ синякамъ и привязала тряпкой, потомъ умыла мальчику лицо, вычесала и подстригла волосы въ кружокъ. — «Ну теперь, Ваня, побратаемся». Они поцѣловались. Ольга сняла съ шеи мѣдный крестъ, на красной тесемкѣ и надѣла мальчику на шею; а онъ сдѣлалъ тоже самое со своимъ крестомъ — «Будетъ у меня коли своя воля», сказала дѣвушка, крестясь и цѣлуя крестъ, «али тамъ счастье какое выпадетъ на долю, никогда я

тебя не забуду, Ваня, а теперь терпи козакъ — атаманомъ будешь.» Она еще разъ поцѣловала ребенка, торопливо вошла въ избу, собрала свое имущество, которое состояло изъ двухъ перемѣнъ бѣлья и хотѣла было выдти вонъ, но на порогѣ остановилась.

— «Нѣтъ, не кого пожалѣть, не съ кѣмъ проститься», вспомнила она, поклонилась образамъ до земли и торопливо вышла вонъ.

Такъ мыкалась Ольга съ мѣста на мѣсто и ей вскорѣ; дѣйствительно, удалось вспомнить свое обѣщаніе никого не жалѣть. Она стала зубъ за зубъ огрызаться со своими хозяйками, всегда была угрюма, неповоротлива, подозрительна и тѣмъ еще больше раздражала людей противъ себя. Затѣявъ въ праздничный день дѣвки съ парнями игру какую, или пѣсни, а она стоитъ и смотритъ изъ за угла. «Иди, Ольга, ко всѣмъ,» крикнетъ ей кто-нибудь. «Эка невидаль! убирайтесь, очень я нуждаюсь», закричитъ она имъ въ слѣдъ, и такъ, на каждое доброе слово она все съ сердцемъ, да такъ-то сурово. Говорить-ли кто съ ней начнетъ, она только «да», да "нѣтъ» и отойдетъ. Только и наровитъ остаться одной. Уйдутъ всѣ со двора, она заберется въ уголь, начнетъ чинить свою рубашку, а кончитъ тѣмъ, что сидитъ сложа руки, да куда нибудь уставится и думаетъ о томъ, какая та или другая дѣвка супротивъ нее плохая, неумѣлая, неработящая, а ее всѣ любятъ, хвалятъ, а она, Ольга, на все такая смѣтливая, проворная, на всякое дѣло умѣлая, совсѣмъ въ загонѣ... Вотъ гдѣ-то стукнуло... «идутъ», промелькнуло у ней. Она вдругъ вздрогнула, метнулась въ одну сторону, въ другую, кругомъ себя стала все судорожно собирать, часто даже хозяйскую работу совала куда-ниопало, будто краденое что скрывала. Ну, хозяевъ и возьметъ сомнѣніе: поидетъ брань, допросы: что было въ рукахъ, да что сунула за печку. Вытянуть скомканную рубашку, на которую сами же хозяева отрѣзали ей холста; а если по сосѣдству передъ этимъ пропажа какая случилась, она и выйдетъ воровкой. На нее кричатъ, ее допрашиваютъ, а она знай себѣ молчокъ. А если ужъ непременно нужно отвѣтъ давать, взглянетъ изъ подлобья, да сквернымъ словомъ всѣхъ обзоветъ. А оправдываться она никогда не оправдывалась. И стала она слыть по всей деревнѣ самой злой, даже вошла въ пословицу. Знала Ольга эту молву и у нея становилось еще тяжелѣе на душѣ. Такъ прошло года четыре. Однажды она ходила на колодезь за водой, и увидала ѣдущій обозъ съ сѣномъ. Сзади шель лѣтъ 14 паренекъ. «Тетя Оля, Оля!» закричалъ онъ и бросился ее обнимать». — «Небось, никогда не вспомнилъ», упрекнула Ольга. — «Да ты никакой вѣсточки не подала, шуткаль на 30 верстъ отъ нашей деревни зашла, да я теперь больше по догадкамъ на твой слѣдъ набрелъ». — «Что же ты догадался, что та змѣя, про которую всѣ говорятъ, я и есть?» — Мальчикъ съ минуту оторопѣлъ и не зналъ, что отвѣчать: ему вспомнилось то доброе, любящее выраженіе лица Ольги, которое такъ врѣзалось въ его память, и онъ теперь только замѣтилъ, какъ она измѣнилась. Лице дѣвушки вытянулось, стало такое длинное, худое, глаза провалились и смотрѣли такъ непріятно, угрюмо.

— «Ты лучше всѣхъ и теперь осталась, только люди тебя сгубили», сказалъ мальчикъ и прижался къ ней, чтобы скрыть слезы. Ольга сбросила съ плечъ коромысло, онъ привязалъ лошадь къ забору: они отошли въ сторону отъ дома и сѣли на траву. «Вотъ, Ваня, тогда мы сидѣли также въ Лукашиной, теперь въ Петровкахъ, у другихъ людей, въ другихъ мѣстахъ, еще приведетъ Богъ свидѣться, чай опять въ другомъ мѣстѣ». — «Не тужи Оля, черезъ года два я пойду на заработки, тебя выпишу и будешь ты у меня, вмѣсто матери родной, полной хозяйкой». — «Да ужъ не знаю, Ваня, дотяну ли, ужъ больно тяжело стало жить». Она съ грустью покачала головой. «Мужчинѣ вездѣ лучше. Чай тебѣ не краше моего жить, а смотри какой ты бравый, вѣрно обтерпѣлся, и навѣрно будешь хорошимъ работникомъ. А мнѣ чего ждать?» — «Не даромъ я крестъ твой цѣловалъ, бывало тоже скверно, да вспомню, что тебѣ можетъ, еще хуже, и что есть у меня, кто меня вспомнить, и опять все пройдетъ».

Вечеромъ хозяева замѣтили заплаканные глаза Ольги. — «Гляди», — сказала одна